

И. П. МЕДВЕДЕВ

Неизвестный эпизод из ранней истории изучения славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола

В довольно богатой на сегодняшний день литературе, посвященной изучению списков славяно-русской редакции византийской хроники Георгия Амартола (Георгия Мниха, IX в.),¹ мы не встретим упоминания о такой знаменитой и даже знаковой для русской культуры личности, как Алексей Николаевич Оленин (1764—1843).² А между тем, как показывает сохранившееся рукописное наследие этого выдающегося государственного деятеля и ученого мужа (с особой увлеченностью он изучал историю древнего мира, и в частности историю античного костюма и предметов вооружения по произведениям вазописи, скульптуры, глиптики, но также славяно-русские древности и их византийские источники),³ А. Н. Оленин оказался одним из первых исследователей, в руках которого побывали некоторые списки славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола.

Дело в том, что с именем А. Н. Оленина связано первоиздание (editio princeps) в Париже — по поручению и на средства русского канцлера графа Николая Петровича Румянцева (1754—1826) — «Истории» одного из крупнейших византийских писателей X в. Льва Диакона, ценнейшего источника не только по истории Византийской империи, но и Болгарии и Древней Руси, содержащего, в частности, уникальные сведения о балканских войнах киевского великого князя Святослава Игоревича в 968—971 гг. и о нем самом.⁴ Именно А. Н. Оленину доверил Н. П. Румянцев связаться с па-

¹ Критическое издание памятника: *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха: Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1; Пг., 1922. Т. 2; Л., 1930. Т. 3.

² О нем см.: *Голубева О. Д.* 1) Оленин Алексей Николаевич // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. СПб., 1995. С. 392—398; 2) А. Н. Оленин. СПб., 1997. 191 с.

³ Об этой «ипостаси» А. Н. Оленина см.: *Тункина И. В.* 1) Оленин и древности Южной России // Санкт-Петербург и отечественная археология. СПб., 1995. С. 18—28; 2) Русская наука о классических древностях юга России (XVIII—середина XIX в.). СПб., 2002 (см. Именной указатель); *Файбисович В.* Оружие средневековой Руси в памятниках александровского классицизма // Наше наследие. 2002. № 61. С. 44 и след. (автор называет А. Н. Оленина «первым русским оружейником»); *Жабрева А. Э.* «Страстный любитель точности в костюмах»: Штрихи к творческому портрету А. Н. Оленина // Российская Национальная библиотека и отечественная художественная культура: Сб. статей и публикаций. СПб., 2002. Вып. 2. С. 127—151.

⁴ См. об этом: *Медведев И. П.* Новые данные по истории первого издания Льва Диакона // ВВ. 2002. Т. 61(86). С. 5—23.

рижским эллинистом (немцем по происхождению) Карлом Бенедиктом Газе (1780—1864), открывшим рукопись с текстом сочинения Льва Диакона, — на предмет того, чтобы «приобрести за деньги простую копию греческого текста с правом напечатать ее здесь (т. е. в Петербурге. — *И. М.*) в сопровождении русского перевода». А. Н. Оленин и постарался сделать это как при посредстве петербургского ученого академика Филиппа Ивановича Круга, так и через своего двоюродного брата князя Сергея Григорьевича Волконского (будущего декабриста), находившегося в 1813—1814 гг. во Франции в рядах русского оккупационного корпуса. Когда же Газе отказался передать права на издание Петербургу и было условлено, что издание будет осуществляться в Париже на русские деньги (труд вышел в свет в 1819 г.), то именно А. Н. Оленин (по согласованию с Н. П. Румянцевым) высказался за осуществление в Петербурге русского перевода византийского историка как неотъемлемой части францужско-русского научного проекта по первому изданию «Истории» Льва Диакона и предложил кандидатуру переводчика — петербургского филолога-эллиниста и сотрудника Имп. Публичной библиотеки Дмитрия Прокопьевича Попова (перевод, начавшись еще до выхода в свет парижского оригинала по корректурным листам, появился уже в 1820 г., причем финансирование также осуществлялось за счет Н. П. Румянцева).⁵

Выход в свет «русского Льва Диакона» был встречен А. Н. Олениным с подлинным энтузиазмом. Получив в подарок от своего «протезе» (переводчика Льва Диакона на русский язык Д. П. Попова) экземпляр труда, Оленин пишет ему в ответ развернутое и содержательное письмо, в котором, между прочим, отмечает: «Вы порадовали меня книгою, которую давно желательно было видеть на русском языке, и, вместе с тем, Вы подали мне новый способ заняться самым приятнейшим для меня делом, а именно: археологическими исследованиями и в особенности о древней России. Наконец, она же открыла мне средство употребить в пользу давно мною заготовленное приложение к собранию разных сведений о великом князе Святославе Игоревиче. Побужденный Вашим трудом, я решился приложить к нему и собственный мой труд, сколько мне позволит малый досуг и весьма слабое мое знание греческого языка. Работу мою расположил я под названием „Примечания на некоторые места в истории Льва Диакона“. К ним я старался присоединить ясные доказательства моим заключениям посредством выписок и ссылок на других писателей. А более еще того, верными изображениями памятников искусства тех самых времен, относящихся к предметам моих примечаний».⁶

Действительно, в личном архиве А. Н. Оленина до сих пор хранится рукопись указанной в письме работы, причем даже в двух вариантах — в первоначальном с заглавием «Археологические и технические примечания к истории Льва Диакона» и в переработанном и дополненном, датированном 1821 г., с заглавием «Примечания к истории Льва Диакона, перебеленные

⁵ Подробно об этом: *Медведев И. П.* К истории создания первого русского перевода Льва Диакона // *Автідо́ров: К 75-летию академика РАН Геннадия Григорьевича Литаврина.* СПб., 2003. С. 86—98.

⁶ ОР РНБ, ф. 542, д. 24, л. 28—39.

и исправленные».⁷ Анализу рукописи этого неопубликованного труда А. Н. Оленина посвящена специальная работа,⁸ в данном же случае ограничимся воспроизведением из нее отрывка с описанием Олениным двух списков славяно-русской версии Хроники Георгия Амартола — одного из тех упомянутых им «других писателей», которые использовались А. Н. Олениным для комментария к «Истории» Льва Диакона. Подвергнув тщательному рассмотрению сведения Льва Диакона о типах военных судов византийцев, особенно «огненосных» судов, об их устройстве, оснащении, функционировании, наименовании, причем в сопоставлении с данными такого крупного и, пожалуй, главного памятника византийской «полемологии», как «Тактика» Льва VI Премудрого (используется Олениным в первом издании Меурсия, 1612 г.), он действительно принимает во внимание и другие византийские источники, в частности «ненапечатанного еще Георгия Амартола».

«Равным образом, — пишет А. Н. Оленин,⁹ — я полагаю, что слово „олядь“ или „оляда“ имеет корень свой в греческом речении *ολκάς*, которое склоняется следующим образом: в родительном — *ολκάδος*, в дательном — *ολκάδι*, в винительном — *ολκάδα*. Нетрудно, кажется, было русским с небольшим только выпуском литеры „к“ прерватить (sic!) „олькади“ или „олькада“ в „олядь“ или „оляда“ (как-то из «кумвара» русские же сделали «кувару»). Впрочем, [так] как известно, — продолжает Оленин, — что „олькады“ или „оляды“ употреблялись для торговли и для войны, до введения в обычай „дромонов“, а потом уже вместе с ними входили в число судов, составляющих большой византийский флот, то и не мудрено, что русские, привыкши по торговле более видеть греческие „олькады“, нежели другие какие-либо мореходные их суда, все корабли их вообще сим именем называли <...> В явнее доказательство, что словом „оляда“ в старинном славянском языке переводили греческое речение *ολκάς*, *ολκάδα*, не излишне будет здесь привести во свидетельство несколько слов из славяно-русской старинной рукописи. Сия драгоценная книга принадлежит Санкт-Петербургскому архиву Коллегии иностранных дел и несомненно содержит перевод Хронографа, писанного Георгием Амартолом.¹⁰ Но прежде, нежели приступить к выпискам из оной, да позволено мне будет подробно

⁷ Там же, д. 25, л. 23—115; д. 29 (141 л.).

⁸ *Медведев И. П.* Алексей Николаевич Оленин как «византинист» // Отечественная история и историческая мысль в России XIX—XX вв.: Сб. статей к 75-летию А. Н. Цамутали. СПб., 2006. С. 17—29.

⁹ Публикуемый далее отрывок находится на л. 13 об.—18 об., 23 об. указанной рукописи (л. 19—22 об. вставлены позднее и содержат, по записи Оленина, «выписки из рукописи, хранящейся здесь, при Г. Иностранной коллегии, содержащей русской (sic!) старинный перевод Хронографа, писанного Георгием Грешным Мнихом, из которого Нестор почерпал отчасти вступление его в русской летописи», а также на л. 20 выписку из словаря польского языка С. Б. Линде о слове «kolasa»).

¹⁰ Примечание А. Н. Оленина: «Сие обстоятельство открыто было хранителем Депо рукописей Императорской Публичной библиотеки г-ном Ермолаевым. Чтобы не отвлекать внимания от настоящего предмета, я приобщу в особом прибавлении, в конце сего замечания, подробные сведения о сей драгоценной находке в старинной русской словесности». Об Александре Ивановиче Ермолаеве (1779—1828) см.: Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1. С. 212—215 (статья О. Д. Голубевой).

здесь объяснить, каким образом сия любопытная книга была найдена и что она содержит.

Государственный канцлер граф Румянцев, непрестанно побуждаемый благородным и ревностным желанием к открытию всего, что может служить к пояснению или к пополнению отечественной нашей истории,¹¹ обратил некогда внимание свое на здешний архив Коллегии иностранных дел. Там в числе нескольких рукописей отыскалась старинная книга под № 37, в лист, писанная на иностранной бумаге, с знаком, изображающим мамусову гремушку, а под ней число 4, поставленное наоборот, на трех кружках, пирамидою расположенных, а внизу буквы РМ. Первые листы писаны довольно тщательным полуставом (sic!), а по всему вообще ее почерку сия рукопись должна принадлежать к концу XVI или к началу XVII века. Заглавные и числительные буквы писаны киноварью. Книга сия, переплетенная в старинный дощатый переплет с застежками, обтянутый опойковою темною кожею, содержит в себе писанных 482 листа» (л. 15 об.).¹²

Прервемся с цитированием оленинского текста, чтобы прокомментировать эти важные сведения. Несомненно, что речь идет о нынешней рукописи из Российской Национальной библиотеки с шифром F.IV.136.¹³ Даже наклейка с № 37 сохранилась на корешке. Правда, филигранные просматриваются очень плохо, но ясно, что речь идет о «голове шута» с зубчатым воротником с бубенцами («мамусова гремушка», т. е., собственно, «шутовская погремушка?»), от среднего из которых отходит вниз вертикальная линия в виде оборотной цифры «4», оканчивающейся тремя кругами в виде пирамидки — одной из тех, что в изобилии представлены в альбоме Т. В. Диановой.¹⁴ Производит впечатление и переплет с металлическими застежками.

«Государственный канцлер, — продолжает А. Н. Оленин, — дозволил [мне] сию рукопись прилежно рассмотреть. Изыскательный дух во всяком роде познаний (а в особенности, в истории и в древностях российских) хранителя рукописей в Императорской Публичной библиотеке г-на Ермолаева (как было уже отмечено, имеется в виду замечательный палеограф Александр Иванович Ермолаев. — *И. М.*) не упустил из виду вверенной мне на время книги. Он приметил, что в сей рукописи под именем Хронографа содержится краткая история от сотворения мира до кончины греческого царя Романа и что в заглавии предисловия к оной написаны киноварью следующие слова: „Книги временныя Георгия Мниха сказъ“. Г-н Ермолаев, рассматривая прилежно сию рукопись и встретив в начале оной следующее заглавие: „Хронографъ же и сказатель собранъ же и сложенъ

¹¹ Слова «непрестанно ~ нашей истории» сперва были вычеркнуты А. Н. Олениным, затем восстановлены, и сбоку помечено: «NB. Все это писать в особом прибавлении». До последнего, однако, дело не дошло.

¹² Фраза «Книга сия ~ 482 листа», собственно говоря, вынесена Олениным в примечание, но, с очевидностью, напрашивается в текст.

¹³ См. рукописный каталог: РНБ, А. Ф. Бычков, Каталог церковно-славянских и русских рукописей. Отд. IV (Инв. ОСПК, т. VIII), л. 15 об.—16 (№ 136). Рукопись была известна как В. М. Истрину, так и всем новейшим исследователям (О. В. Творогову, Е. Г. Водолазину, Т. В. Анисимовой, и т. д.).

¹⁴ Дианова. Шут.

Георгиемъ грешнымъ Мнихомъ“, заключил а priori, что сия книга должна быть та византийская летопись, о которой преподобный наш Нестор упоминает словами: „глаголетъ Георгий въ летописании“. Пытливый в сем случае дух г-на Ермолаева был совершенно оправдан, ибо он в сей рукописи нашел то же самое место, которое после означенных слов Нестор из сочинения сего Георгия выписывает. Обратный перевод на греческий язык последних слов, заглавие которых свидетельствует, что сей хронограф сложен Георгием грешнымъ Мнихомъ (Γεωργίῳ ἀμαρτολῷ μοναχῷ), показывает известное имя византийского писателя „Георгия Амартола“, которого подлинный греческий текст *в первый еще раз* (курсив мой. — И. М.) печатается ныне в Париже, трудами почтенного г-на Газе, при ревностном пособии Государственного канцлера графа Румянцева» (л. 17 об.).

Прервем еще раз повествование А. Н. Оленина, чтобы отметить, что до издания «греческого Георгия Амартола» у Газе так и «не дошли руки», хотя деньги на его издание Николай Петрович Румянцев перевел: с его кончиной в 1826 г. Газе сразу же прекратил работу над всеми изданиями, которые были задуманы и заранее оплачены Румянцевым.¹⁵ Что же касается слов Оленина о том, что «подлинный» греческий текст Амартола впервые печатается в Париже, то Никита Александрович Мещерский утверждает в своей книге «Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности», что «греческий текст впервые был издан в 1685 г. в Париже».¹⁶ Я не знаю, откуда у него эти сведения. В справочных изданиях я не нашел этому подтверждения. Даже у Моравчика, библиографический свод которого (*Byzantinoturcica*) имеет репутацию всеисчерпывающего, в качестве *editio princeps* Георгия Амартола указано петербургское издание 1859 г., осуществленное Эдуардом Муральтом (к сожалению, по одному списку, в позднейшей и интерполированной редакции).¹⁷ Так что, скорее всего, Оленин был прав, утверждая, что в Париже в его время готовилось *первое* издание текста. Он, впрочем, не виноват, что оно тогда не состоялось.

«В вящее и несомненное доказательство, — продолжает Алексей Николаевич, — что сия книга в переводе на старинный славяно-русский язык ничто иное, как хронограф Георгия Амартолы (*sic!*), или просто сказать — Георгия Мниха, послужить может сравнение нескольких строк из его предисловия, которое напечатано в одном из томов, составляющих так называемую коллекцию византийцев, а именно в том томе, в котором напечатана Краткая история Константина Манассы (*sic!*), и в конце книги „Леона Алатия Диатриба о писателях, именовавшихся Георгиями“».¹⁸ «Я здесь, —

¹⁵ О весьма своеобразном и далеко не безупречном с моральной точки зрения поведении в данной истории этого в общем-то выдающегося ученого-филолога см.: *Медведев И. П.* К вопросу о неподлинности так называемой «Записки Готского топарха» // *Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения.* СПб., 2003. С. 160—172.

¹⁶ *Мещерский Н. А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX—XV веков. Л., 1978. С. 71.

¹⁷ *Murali E.* *Georgii monachi, dicti Hamartoli, chronicum ab orbe condito <...> Petropoli,* 1859. Ср.: *Moravcsik G.* *Byzantinoturcica* / 3., unveränderte Auflage. Berlin, 1983. S. 278.

¹⁸ Следует сноска самого А. Н. Оленина на следующие издания: *Constantini Manassis Breviarium Historicum etc. Venetiis.* 1729 in f° (не упомянуто у Моравчика, да и слова Оленина об одном из томов, составляющих так называемую «коллекцию византийцев» с текстом

пишет Оленин, — для любопытства выписываю первые строки предисловия Георгия Амартоло (sic!) на греческом языке, с старинным переводом оных на славяно-русской (sic!) язык, по рукописи, найденной здесь в Архиве Коллегии иностранных дел (т. е. нынешней рукописи РНБ F. IV.136. — *И. М.*) и с переводом оных же на нынешней русской язык по невнятности старинного преложения <...>.¹⁹ Впоследствии времени получен был другой список с сего перевода Хронографа Георгия Амартолы в числе старинных русских рукописей, приобретенных Императорскою Публичною библиотекою у почетного ее библиографа г-на Фролова.²⁰ Почерк и бумага древнее списка, принадлежащего Архиву Коллегии иностранных дел, но, к крайнему сожалению, начала и конца недостает.²¹ Жаль, что имя переводчика сего Хронографа и время, когда он был переведен на славяно-русский язык, в обоих списках не назначено» (л. 18 об.). И завершает весь этот пассаж, правда, вычеркнутое Олениным, но тем не менее сохраненное нами здесь его не лишенное интереса рассуждение: «Невозможно было доискаться (имени переводчика и времени перевода. — *И. М.*), ибо о том во всей рукописи ни слова не сказано, по старинной видно привычке некоторых племен славянских мало хвастаться своими трудами. Одно только, наверное, можно почти сказать, что сей Хронограф был переведен на старинной русской язык, когда подлинник онаго на греческом языке едва ли еще родился в числе знаменитого ныне собрания рукописей Королевской Парижской библиотеки. Но пора и мне самому себе напомнить то, что Лев Диакон самому себе часто говорит, при многих его отступлениях от настоящего дела: *ἀλλὰ περί μὲν τούτων ἀλίς* («но об этом довольно»)» (л. 18, 23). Пожалуй, что и нам самое время последовать этому примеру.

«Краткой истории» Константина Манассы, говорят о том, что имеется в виду парижская серия *Corpus Byzantinae Historiae*, том за 1655 г., издатель А. Fabrot, Leonis Allatii de Georgiis etc. Diatriba. Paris, 1655. Pag. 331.

¹⁹ Цитаты даются Олениным в особой сноске (л. 18); там же присовокупляется и перевод текста, выполненный почему-то не самим Олениным, а Д. П. Поповым, уже известным нам переводчиком Льва Диакона: «Мы за нужное почли присовокупить к сему непонятному переводу преложение сих строк на нынешней русской язык. Их перевел с подлинника греческого г-н ад. проф. Попов», — уточняет А. Н. Оленин (Там же).

²⁰ О Петре Козьмиче Фролове (1775—1839) и его коллекции рукописей см.: Сотрудники Российской Национальной библиотеки... С. 553—554 (статья Л. А. Шилова, с указанием литературы).

²¹ К сожалению, мне не удалось установить, какая рукопись имеется в виду. Две «заподозренные» мною из числа приобретенных у П. К. Фролова оказались все же «не теми». Но не является ли ею нынешняя рукопись РНБ Q.IV.35? Ведь она действительно «без начала и конца» да и датируется третьей четвертью XV в., т. е. действительно «древнее списка, принадлежащего Архиву Коллегии иностранных дел» (см. о ней: *Водолазкин Е. Г. Хроника Амартола в новонайденных списках // ТОДРЛ. 1992. Т. 45. С. 330—331*). Наверное, не должно нас смущать и то, что в данном случае не зафиксировано ее происхождение из коллекции П. К. Фролова, ибо последняя не сохранилась в своем целостном виде и многие ее рукописи разошлись по разным фондам (устное сообщение О. В. Творогова автору этих строк).